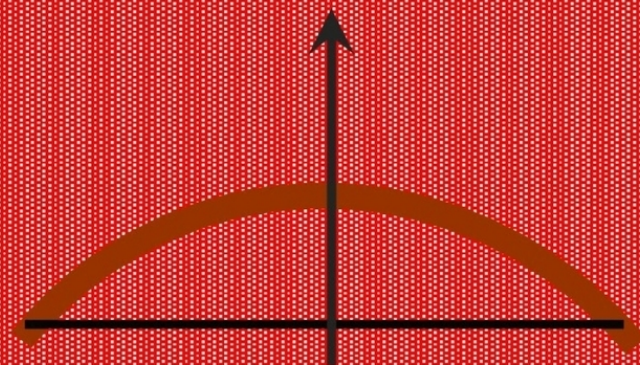

18+

Дан Берг

Виноградник

Навота

Дан Берг

Виноградник Навота

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Берг Д.

Виноградник Навота / Д. Берг — «ЛитРес: Самиздат», 2017

"Виноградник Навота" - одна из повестей цикла Библейских историй. По прихоти царской жены крестьянин Навот был оклеветан и подвергнут страшной казни приговором продажного суда. У этого Библейского сюжета имеются различные толкования христианских и иудейских мудрецов. Настоящая повесть представляет собой достаточно свободную интерпретацию древнего события. Современный читатель найдет в ней вещи неподвластные векам - любовь, гордыню, жестокость, коррупцию.

© Берг Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Дан Берг

Виноградник Навота

Свадьба

1

Без малого три тысячелетия минуло со дней правления израильского царя Ахава. Две столицы-крепости стояли на страже его государства – Шомрон и Изреэль. Дворец, скорее, дом монарха в Изреэле не отличался роскошью, но, как известно, не по обители почитают хозяина, а по хозяину – обитель. Все же стены палат были сложены из тесаного камня, не в пример утлым деревянным и глиняным жилищам большинства горожан. Окна глядели на крепостные ворота, обширная городская площадь простиралась меж воротами и домом.

Ахав не часто навещал свое изреэльское жилище. Царь, радевший за благо страны и подданных, мало предавался неге домашнего тепла, но воевал с врагами, обращал недругов в друзей, создавал союзы, заключал мир, объявлял войны. Домашний очаг надежно хранила Изевель, жена его. Любовью, верностью и советом она расцветивала скупую на улады жизнь государя. “Добавить радость к заботам!” – думала она.

Гонец сообщил, что в Изреэль на днях прибудет Ахав. Загодя Изевель готовилась к встрече. Что надеть, чем украсить себя, чем озадачить повариху – много дел! А какие подарки привезет? Не в правилах Ахава являться с пустыми руками! Настоящий мужчина знает, что женщине нельзя дарить ничего такого, чего бы она не могла надеть.

За хлопотами Изевель чуть было не запмятовала приглашение Навота. Зажиточный этот крестьянин женит сына. Шум на городской площади напони о торжестве. Уроженка Цидона, царская дочь Изевель всем сердцем любила веселые да буйные празднества отчего края. “Вот случай вспомнить родное! И соседа доброго уважу. Надену диадему – ведь царская жена я!” – воодушевилась гордой мыслью Изевель.

2

Свадебная процессия неторопливо двигалась по площади к дому Навота. Миновали рынок. Торговцы и покупатели охотно принимали кружки с вином, наполняемые одна за другой отцом новобрачного. Во главе процессии шествовали молодожены. За ними тянулись почетные гости – городской управитель, священники, старейшины, судьи. Все с женами и старшими чадами. С бубном в руках, изрядно охмелевший городской шут, пританцовывая, распевал:

*“Трудяга Навот –
Хитер, доброхот!
Зазвал всех господ,
А сам-то ведь жмот!”*

Шуту все позволено, но когда насмехается – его бояться! “Стражник! – вскричал городской управитель Зимри, – угости-ка дурака кнутом и прогони прочь!”

Изевель встретили криками ликования. Не кичась и не чинясь, она бросилась навстречу молодым. Расцеловала разряженную невесту, обняла солидного жениха. Смутив богобоязненного Навота, пропела новобрачным языческое благословение, словно забыла, что в Изреэле, а не в Цидоне она. Изевель расцепила руки молодых и одела каждому на палец по золотому

колечку. “От богини Ашеры. Она любит вас. Благословенны будете большим потомством!” – промолвила Изевель и покосилась на Навота. “Как бы не дошло до Эльяу... Не терпит пророк наш поклонения чужим богам!” – в страхе подумал крестьянин.

Невелики были города в древности, и шествие скоро оказалось у цели.

3

Ворота гостеприимно распахнуты. Виновники торжества и гости вступили в широкий двор. Овцы предусмотрительно заперты в загоне. Привязанный к столбу осел оторвался от корыта с водой и в изумлении разглядывал входящих. Этот работяга привык видеть на своем дворе много труда и мало людей. Сейчас он дивился на великое множество праздных двуногих.

Посередине горницы стоял огромный брачный стол, сооруженный из досок, покоившихся на пустых бочонках. Вдоль стола тянулись лавки, устроенные таким же образом, как и стол, но на бочонках пониже. Три стула со спинками предназначались для новобрачных и Изевели. Женским глазом царская жена сравнила свой терем с гнездом Навота. Перевес был на ее стороне, но нерадикальный. Посему призвала на помощь утешительную мысль, мол, что для крестьянина дом, то для государя – страна.

Гости расселись. Всем достались глиняные тарелка и кружка и деревянная ложка. Вдоль стола высились большие кувшины с вином, каждый в окружении масленки, чаши с уксусом, чаши с солеными маслинами и солонки с крупной солью. Работник принялся носить со двора кушанья. Подогретый ячменный хлеб, горячие лепешки из муки, козий сыр. Потом настала очередь печеных овощей, а за ними, как заведено, последовала похлебка. В кружки из кувшинов каждый наливал сам. Вино Навота – выше всяких похвал. Работник то и дело уносил пустые кувшины и возвращал полные.

“Угощайтесь, дорогие гости! – приговаривал Навот, – поливайте лепешки маслом, мок-айте хлеб в уксус и вино пейте на здоровье, не жалейте – сам давил, из моего виноградника оно! Вон из того, что соседствует с домом Изевели, любимицы нашей общей!” Трапезничающие охотно следовали радушным хозяйским рекомендациям, вот только мясного блюда не дождались. Едоки угощению друзья, а не угостителю.

“Не праздничная неделя нынче, мясо дорого! – пояснил Навот, – денежки потратил на могар, чтоб красавицу выкупить!” – сказал он, ласково взглянув на смутившуюся новобрачную. Не уверившись, что оправдался, прибавил: “Вот и работник мой... Он ведь раб мне за долг старый. Шестой год на исходе, а он не хочет дом покидать, говорит, мол, хорошо мне у тебя, Навот, ты добрый, щедрый. А ведь священник не задаром ухо прокалывает...”

Навот крестьянин боголюбивый. Трижды в год по праздникам восходит он в Иерусалим и молится в Храме. Господь одарил его чудным голосом, и он поет умеючи и торогато. На площади возле Храма люди собираются вокруг Навота и слушают угодные Богу гимны, и сам Эльяу, бывало, стоит среди почитателей пения, любящих Слово Божие. “Любовь вдохновляет на песни, а песни рожают любовь!” – говаривал пророк Навоту, разумея под любовью чувство к Господу.

Вот и на свадьбе сына Навот затянул торжественную оду, дабы не случилось уныния среди гостей. “Какое тоскливое гудение! – отметила мысленно Изевель, – неплохо бы иудеям поучиться у нас лихому да безоглядному веселью!” Однако, ни слова не вымолвила, увидав, как

с первыми звуками псалма раскрасневшиеся от вина лица приняли непроницаемо набожное выражение.

В конце пиршества возлюбивший хозяина работник принес пирог с сушеными фруктами. Изевель отведала и подумала: “Ахав на днях придет. Он любит сладкое. Порадую-ка его новинкой!” Она повернулась к смолкшему после вокального труда Навоту: “Сосед, дорогой, скажи, не таясь, кто испек этот чудный пирог?” Польщенный хозяин гордо указал перстом на новобрачную: “Это невестушка моя сотворила! Золотые руки!”

Изевель вскочила со стула, обняла мастерицу, расцеловала десять умелых пальцев. “Я мужа хочу таким пирогом порадовать. Можно я пошлю к тебе свою повариху? Расскажешь ей секрет?” Счастливый родитель опередил новобрачную: “Разумеется, дорогая наша Изевель! Присылай, непременно присылай!”

Изевель засобиравшись домой. На прощание сказала: “Благодарствую, Навот! И вы, молодые, уповайте на золотые колечки – Ашеры верный посул! У нас в Цидоне свадьбы тонут в цветах. Уж простите меня, но нет в моем доме цветника. Если богам угодно будет – появятся и у меня грядки с ирисами и розами!”

Ахав приезжает в Изреэль

1

Изевель, как и задумала, отправила повариху к Навоту – разузнать у новобрачной обещанный секрет сладкого пирога с сухими фруктами. Далее путь кулинарки лежал в городские лавки. Приданный ей юный помощник катил наполненную всяческой снедью тележку. Груз всё ворзастал по мере приближения к дому. В комнатах и во дворе трудились слуги. Ахав любил чистоту и порядок: “Добрые дела зиждутся на добром порядке!” – скромно и поучительно говорил царь.

Изевель глубоко задумалась: во что нарядиться и как украсить себя для встречи с супругом? Она полагала, что сообразное одеяние есть свидетельство мудрости ума. “Платье надену из красной материи, мне этот цвет к лицу. Или предпочесть белое? Сандалии или полусапожки? Примерять и еще раз примерять!” – рассуждала Изевель. Были призваны две служанки. Одна полировала слегка потемневшее золотое зеркало, подарок Ахава, другая помогала выбрать единственно правильный наряд – добавляла идеи и изгоняла сомнения.

“Мои украшения – наше общее с Ахавом упоение! – размышляла Изевель, – он подарков не помнит, но обожает преподносить, а я таю, надевая! Возьму-ка крошечные сережки и колечко под пару. Увидит эту малость, и вырастет новый дар в глазах его, и радость в сердце разыграет!” Диадему, с короной схожую, она отвергла. “Корона – царский атрибут. Есть царь один – Ахав, а я жена его, и я не посягаю!”

Приятны ушам Изевель слова Ахава “Ты – моя царица!”, однако, не должно им обоим принимать сие всерьез. Она лишь помогает ему спросить ее совета, чтоб не советовать без спроса. Исполняя только часть, но стараясь потрафить супруге, он представляет дело, как плод ее задумки. Распознав добронамеренную хитрость, она молча довольствуется частью, ибо целое у нее с запасом изначальным. Благоразумие плохо бережет от бед, но хорошо уживается с любовью.

2

Утомленная приготовлениями, Изевель уселась против отполированного золотого круга. Строго, но с удовлетворением принялась рассматривать свое отражение. Известно ведь: жен-

щина хорошеет на глазах, лишь только взглянет в зеркало. Волосы блестят, черны, как вороново крыло. Густые и прямые. Длиной почти до пояса. Один седой, коварно затесавшийся, был решительно удален.

Брови яркие, некрутой дугой обрамляют низ лба, почти сходятся на переносице. Нос слегка вздернут, размером невелик. Подбородок чуть скошен. Глаза большие, черные, выпуклые, бойкие. Досаждают родинка, придающая ассиметрию лицу. Кожа смуглая, но не слишком. Пальцы тонкие и длинные, умеют ловко щипать струны арфы.

“Я родила троих детей, но, кажется, не подурнела. Морщин почти не видно. Разве, чуть-чуть на шее. Чем бы закрыть? Пусть их... Морщин не миновать, лишь бы не на сердце! Как прежде я высока, стройна, тонка. Походка легкая. Волосы и глаза – гордость моя. Не знаю, изменился ли характер... Разве кто скажет?” – думала царская жена.

Изевель отомкнула важный сундучок. Внушительен арсенал белил, румян, масел, красок, благовоний и прочих орудий женской приманчивости. Она стала перебирать маленькие, плотно закрытые глиняные кувшинчики, серебряные коробочки, шелковые мешочки. “Не навреди, крастоту украшая!” – провозгласила Изевель.

Приняв серьезные решения, отметя крайности и не сойдя с серединой золотой тропы, она закрыла сундучок, отвернула от себя зеркало и принялась вспоминать сватовство и замужество. Изевель, дочь цидонского царя Этбала, как увидела впервые Ахава, влюбилась сразу. Мощная его фигура, крупная голова, прямой нос, светлые кудри – разбудили дремавшие мечты. И глаза его полюбились ей. То дерзкие, то добрые, то хитрые.

Молодой израильский царь Ахав брал девицу в жены ради дел государственных, ради союза с Этбалем. “Пасть так! – говорила себе невеста, – я знаю, он непременно полюбит меня! Разве не хороша я собой? И по вкусу ему бедовый мой нрав! Подслушала я, как отец сказал Ахаву, мол, умна девка, не расквесишься, бой-бабой станет – тебе в подмогу!” Ахав и впрямь полюбил молодую. Она улыбнулась приятным мыслям: “Воспоминаниям, как волшебными сапогам, сносу нет!”

Изевель, дочь племени канаанского, не изменила своим богам. Став мужней женой, наотрез отказалась скрывать под покровом чудные волосы. Поначалу украдкой от мужа, а потом не таясь, служила Баалу и Ашере – покровителям отцовского края. На жену глядя, Ахав и сам перестал чураться язычества. “В нем немало греха, но и радости жизни много!” – думал израильский царь. Он строил запретные жертвенники, гнева Эльяу, наставника народа иудейского. Впрочем, учеников пророка он кормил с царской щедростью, а детей своих назвал именами израильскими.

3

Шум за воротами. Топот копыт. Царь приехал! Верхом. Охрана невелика. Кого ему бояться? Народ верен владыке. Принес мир израильскому царству. “Мечи и стрелы войска моего – лучшая порука миролюбия соседей!” – говаривал монарх. Войдя в союзы, остановил превосходящего врага. Купцам доставил выгоды, землепашцам – покой. Строя города, дал заработок неприкаянным бродягам. Не в пример Эльяу, не гнал из людских сердец любовь к понятным древним богам. “Зачем время торопить?” – думал Ахав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.